

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)**

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор

Пятигорский государственный лингвистический университет
293500, Российская Федерация, г. Армавир, ул. Первомайская, 71
E-mail: pragpu@mail.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам, касающимся исследованию региональной политической культуры в определенный исторический период. Рассматривается роль слухов как традиционного вида социокультурной коммуникации во время Первой мировой войны в формировании политических представлений и предпочтений.

Ключевые слова: политическая культура, социокультурная коммуникация, политические предпочтения, слухи, Первая мировая война

**SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION AS A PART OF THE POLITICAL
CULTURE OF POPULATION OF THE SOUTHERN OF RUSSIA
DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1917)**

Vartumyan Arushan A., D.Sc.(Political Science), Professor

Pyatigorsk State Linguistic University
71 Pervomaiskaya st., Armavir, 293500, Russian Federation
E-mail: pragpu@mail.ru

This paper focuses on important issues related to the study of the regional political culture in a certain historical period. Discusses the role of rumors as the traditional form of social and cultural communication during the First World War in shaping political views and preferences.

Keywords: The political culture, the socio-cultural communication, the rumors, the First World War, the political preferences

Определенное влияние на развитие политической культуры Юга России оказывала степень информированности общества о политических процессах, происходящих в стране. Политическая культура обеспечивает определенную форму общения между людьми - обмен информацией через систему коммуникаций посредством символов и образов. Без коммуникаций невозможны никакие формы отношений и деятельности. Даже принадлежа к одному обществу, нации или производственному объединению, люди в то же время разобщены. Их разделяют время, пространство, условия бытия или деятельности, а также социальные, возрастные, культурные и даже индивидуальные различия. Характер этой разобщенности всё время меняется в зависимости от организации труда, социального, политического, психологического состояния общества или конкретной среды [1]. Поэтому необходима постоянная, устойчивая, разносторонняя и мобильная система коммуникаций, поддерживающая приемлемую степень единства и дифференциации общественного бытия. То же самое следует отнести и к внутреннему миру личности.

Различают следующие виды социокультурной коммуникации: традиционный, функционально-ролевой и массовый. Традиционный тип хорошо наблюдаем в обособленной, локальной сельской среде, где все более или менее знают друг друга, где роль каждого человека в общении определена его возрастом жизни, а нормы общения известны всем с детства или продолжают длительно время.

Более высокий тип традиционной коммуникации, способствующий объединению различных групп без различия в социальном, этническом и культурных планах, обес-

печивают мировые религии, в которых утверждаются некие ценностные ориентации, превосходящие рамки каждой группы и малой общности, но отвечающие их отдельным перспективам.

Функционально-ролевой тип коммуникаций развивается в городской среде, в условиях значительной дифференциации типов деятельности и образа жизни. Он является безличным и специализированным. Правила коммуникации, в целом, соответствуют той роли, которую человек имеет в данной системе деятельности. Прежде всего, это касается компетентности в области профессиональной деятельности, статуса в сложившейся социальной иерархии. Устные и, в особенности, письменные контакты часто формализованы.

Массовая коммуникация возникает в условиях современного массового общества и означает распространение информации одновременно среди большого числа людей, независимо от социального статуса и места жительства. Такая коммуникация возможна лишь на основе новейших технологических средств, обеспечивающих высокую скорость и массовость поиска, обработки и распространения информации.

Если проанализировать тип коммуникации в политической культуре населения Юга России, то следует отметить преобладание традиционных видов трансляции политической информации. Отсутствие сведений о происходящих событиях, создавало на уровне региона своеобразный информационный вакуум, поэтому большое значение для формирования политических предпочтений имели слухи. Их влияние на политическую ситуацию в нестабильный период всегда было весьма ощутимо. Чаще всего термин «слух» рассматривают как «непроверенную информацию о чем-то/ком-то важным для группы». Определяя слух как особого рода коммуникативную единицу, Г.Г. Почепцов выделяет следующие его особенности: однократную воспроизводимость перед каждым конкретным адресатом (второй раз одному и тому же человеку слух не пересказывается); самотранслируемость (слушающий становится говорящим и передает этот слух дальше); принципиально устный характер (попадая в письменную среду, например, в газеты, слухи теряют многие свои качества, становятся несколько иным видом коммуникации) и некоторые иные. Другими качествами выступают: как принципиальная анонимность слуха, которая «подхлестывает» доверие к нему, «создает некий ореол «народности», общепринятости, неопровержимости», и особого рода интригующее содержание слуха [18].

«Функционирование слухов напрямую связано с недостатками развития эффективной (достоверной, доступной, честной, оперативной, полной, вызывающей доверие и т.д.) формальной коммуникации в обществе, - считают современные специалисты по избирательным технологиям. Слухи, по сути дела, есть дополнение формальной коммуникации неформальными каналами. Эти неформальные каналы формируются чаще всего на базе личных контактов между людьми, в связи с чем информация, передаваемая таким образом, пользуется особым доверием, а степень критичности восприятия этих сообщений сильно занижена». Человек, обладающий той или иной «тайной» политической информацией, неизбежно ощущает себя причастным к «тайнам большой политики» и охотно распространяет слух далее; с другой стороны, он сам может служить запрограммированным «каналом» манипулятивного воздействия, поскольку распространяет нужные тем или иным политическим силам сообщения.

В научной литературе приводится достаточно много возможных классификаций слухов, составленных исходя из разных их параметров: содержания (слухи политические, экономические, личностные); происхождения (спонтанные или преднамеренные); достоверности (абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные и т.д.).

Именно благодаря подвижности, гибкости, иллюзорности и привлекательности слухов для большинства людей с ними столь активно работают политико-коммуникативные системы. Распространенными темами слухов служат обычно компрометирующие материалы на современных лидерах, сплетни о здоровье и личной жизни высших государст-

венных сановников, сведения о коррумпированности и богатстве должностных лиц, информация о «заговорах» в коридорах власти и так далее. Все эти сообщения обычно являются неотъемлемой частью избирательных технологий, профессионалы которых должны уметь управлять слухами: то есть, во-первых, блокировать нежелательные для них сведения, циркулирующие в обществе, и, во вторых, напротив, при надобности «запустить» в массовый эфир нужную им информацию.

В отличие от столиц и промышленных центров, слухи в провинции и в начале XX в. оставались реальным фактором политической жизни. Помимо «витания», слухи оказывали конкретное воздействие на общество: распространяясь с поразительной быстротой, они формировали общественное мнение, настроение и поведение социальных слоев, возрастных и региональных групп.

Циркуляция слухов является одной из составляющих политического процесса. Политический смысл слухи приобретают только в контексте исторической ситуации, и являются неотъемлемым элементом политической жизни. Политические слухи, циркулирующие в провинции в начале XX в., группируются по значимости и частоте возникновения. Это, прежде всего, «аграрные» слухи (о переделе земли, отобрании земли у помещиков), слухи о царской семье, о войне или «измене», и, наконец, слухи о конкретных политических событиях как общероссийского, так и местного масштаба.

Возникновение ложных слухов при отсутствии достоверной и достаточной информации служит типичной формой реакции людей на события. Значение разного рода фантазий и слухов возрастает в переломные, нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов, опасений и вместе с тем надежд. Не исключение составляло восприятие событий Первой мировой войны населением Северного Кавказа.

Слухи как особый источник социально значимой информации появляются в любом обществе, становятся существенным фактором общественной жизни. «Наши дни характеризуются обилием и разнообразием слухов. Это совершенно естественно, так как война заполняет теперь души и умы всего русского народа, каждый хочет о ней знать как можно больше, а поэтому всякая интересная весточка проникает из уст в уста с чрезвычайной быстротой и становится достоянием целого города на протяжении нескольких часов», – отмечали в годы войны «Кубанские Ведомости» [14].

Понимая негативные последствия восприятия населением искаженной информации, для борьбы в военное время с волнениями крестьян Министерство внутренних дел разработало целую программу мер, изложенных в циркулярном письме губернаторам от 31 июля 1914 г., в котором предлагало местным властям «стать ныне в особо близкое непрестанное соприкосновение с местным сельским населением, чутко прислушиваясь к его интересам, осведомляя его, в пределах возможности, о происходящих событиях и парализуя немедленно вздорные и вредные слухи, проникающие в его среду». Одновременно предписывалось принять самые суровые меры против лиц, «сеящих ложные слухи среди сельского населения», а в случае беспорядков – действовать решительно и быстро. В особо беспокойных волостях предусматривалось ставить постоянную охрану из достаточной численности команд стражи [9].

Слухи имеют тенденцию к распространению в том обществе, где недостаточно информации о происходящих событиях. На этот факт указывали современники еще в первые дни войны. «Война началась чуть ли не неделю назад, а между тем о событиях этих страна ничего не знает, – писал в августе 1914 г. «Северокавказский край» – на почве молчания, на почве подозрений, когда хотят что-то скрыть, рождается паника. При полном отсутствии данных слухи, самые невероятные, возникают и проносятся от края до края с молниеносной быстротой» [20].

Информационный вакуум болезненно воспринимался большей частью населения провинции, особенно в отдаленных от города местностях. Интерес ко всему, что происходило в столице и в губернском центре, был огромен. Особенно рады селяне были приезду в деревню «свежего человека» из города. Все немедленно окружали

его и клялись, что не отпустят из деревни, пока гость не расскажет обо всем, что происходит в городе «и на белом свете». «Приходилось рассказывать по несколько раз, - писал один из них, - крестьяне слушали с жадным интересом» [12].

Посредством устной речи не просто «движется информация» внутри одной социальной группы, но противостоящие участники стремятся переориентировать друг друга, т.е. достичь определенного изменения поведения. Иногда слух усиленно соперничает со средствами массовой информации, поэтому в нестабильное время именно газеты и журналы должны формировать у читателей адекватное восприятие политических реалий. Именно через средства массовой информации в годы Первой мировой войны местные власти предупреждали об опасности искаженной информации. Сила печатного слова ценилась как царской, так и советской властью.

Слухи, как вид коммуникации, распространялись в годы войны стихийно, но предпочитали «свою» публику, которая приспособливала достоверность слухов к своему опыту и ожиданиям. В первые месяцы войны наиболее распространенными на Юге России были слухи, что после победы России все захваченные земли у противника царь раздаст крестьянам и иногородним, а наделы казаков существенно возрастут [19].

Население региона чутко прислушивалось к известиям с театра военных действий, живо интересовалось информацией, содержащейся в газетах, письмах родных с фронта, а также рассказах солдат-отпускников, раненых. В процессе многоэтапной устной передачи слухи не только обростали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер – в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись. В рассказах солдат о войне реальные обстоятельства и факты зачастую преувеличивались и получали искаженное изображение. Особенно страшными были слухи о предательстве, измене в правительстве и высшем военном командовании. Разговоры об измене и «непотребстве» в окружении царя, правительстве, высшем генералитете деформировали нравственный авторитет монархии.

Придание слухам «достоверности», обоснованности, обростание их новыми догадками, могло происходить и под влиянием совместного, и по традиции коллективного чтения крестьянами газет. Материал публикаций вызывал такое преломление в сознании крестьян, такое толкование, на которое порой не рассчитывали авторы. Как пример можно привести дело о казаках Терской области ст.Ессентукской Н. Трифонов и И. Лыкова, задержанных в ноябре 1916 г. Как отмечается в материалах следственного дела, эти казаки после прочтения газетной статьи, где говорилось о росте оппозиционных настроений, о критике лидерами политическими партиями деятельности правительства, заметили: «И что же у нас за царь. Взял бы и вымел сор из своего дома, а он терпит такое. Это по его вине наши дети мрут на войне, и мы не можем их похоронить, а мы скоро будем пухнуть с голоду» [7]. Или: крестьянин Ставропольской губернии П. Никитин, в ответ на прочтенное односельчанами заявление о том, что заняты вражескими войсками такие русские города как Львов, Перемышль, воскликнул: «Да царь то у нас предатель! Как он мог позволить захватить наши земли!!» [4]. Царь обвинялся в немецком засилье, вызвавшем войну, социально-экономических проблемах. Так, под воздействием слухов, происходила десакрализация образа монарха.

Увеличение традиционных каналов коммуникации можно проследить по документам I Департамента III Уголовного отделения Министерства юстиции. Анализируя материалы О.Поршнева пришла к выводу, что в 1915–1916 гг. в мотивах крестьянского недовольства появились новые нюансы. Так, императору стали приписывать беспробудное пьянство, появляется сравнение царя с умственно отсталыми крестьянами [17].

Негативно преломлялись в общественном сознании компании о расследовании шпиономании, которые широко печатались в газетах, в том числе северокавказских. Это производило впечатление, что предательство и измена были присущи властным верхам, что вызывало самые невероятные и страшные слухи, подрывавшие доверие к правящей монархии. В жандармском донесении на имя Начальника Кубанской области

говорилось: «в некоторых станицах распространяется крайне вредная информация о Распутине и ее императорском величестве, якобы связанных с Германией» [3].

Разговоры и суждения об измене в окружении царя, правительстве и высшем генералитете среди жителей Северного Кавказа наносили удар по авторитету монархии и разрушали веру в святость и справедливость власти и верховной самодержавной власти.

Приняв войну более-менее спокойно и вынося ее тяготы, северокавказские жители на втором году войны стали проявлять признаки психологической усталости. Это выявилось в более частых, чем в первый год, «толках о мире» среди населения. Они возникали, как правило, во время проведения полевых работ, а также в периоды очередных мобилизаций и повторных призывов. Жандармские рапорты и донесения фиксируют приверженность крестьян идее «почетного» мира как наилучшего для России исхода войны. Так, крестьянин с Тамузловского Ставропольской губернии Г.Д. Черных, как отмечается в отчете уездного исправника, «открыто ведет среди своих односельчан пропаганду о бессмысленности войны с Германией, говоря при этом о выгоде русского народа находиться под властью немцев, у которых правительство и порядки лучше, и что лучше было бы сдаться в плен, чем продолжать никому не нужную войну» В 1916 г. Кубанские ведомости писали об абсурдности распространившихся в г.Екатеринодаре слухов: «В последнее время в городе «ходят» бессмысленные слухи о том, что на днях будет либо объявлен мир с Турцией, либо будет обнародована какая-то небывалая мобилизация, либо произойдут на почве дороговизны беспорядки» [15]. «... Каждый день рождаются слухи, что зазвонит ночью колокол и это будет значить заключение мира» [10].

Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дисконформное состояние. Более того, они могут превратиться в массовые действия, в неповиновение власти, в погромы и массовые движения, например, бегство в «обетованные земли», скупку товаров и т.д. В нестабильное время, какими были годы Первой мировой войны, искаженная информация негативно воспринималась любыми слоями населения и порой зачастую приводила к социальным потрясениям [13]. Например, как отмечалось в донесении помощнику начальника Терского областного жандармского управления, первые погромы на почве дороговизны возникли из-за того, что «бабы-солдатки, распустившие слухи, что Кавказским наместником разрешено громить в течение трех дней лавки и магазины, собрались большой толпой, среди которой было несколько хулиганов, ездили по селам, и разграбив лавки, увозили награбленное» [2].

Местные власти и периодическая печать предупреждали население об опасности подобной информации: «В наш край вползают слухи одурманивающие, вползают и распространяются и повсюду порождают беспокойные ожидания... Пришло время, когда мы должны быть на стороже, оберегать себя и своих близких от слухов и сплетен» [16].

Таким образом, существенной чертой повседневного сознания и социального поведения населения региона в годы войны было то, что они становились зависимыми от той информации, которая часто не имела реальной основы. Возникновение ложных слухов при отсутствии достоверной и достаточной информации служило типичной формой реакции людей на происходящие события. Вера в различные сверхъестественные явления, присущая мифологизированному сознанию, значительно повышала в северокавказском обществе вероятность возникновения в кризисных ситуациях, какими были и годы Первой мировой войны, различных напряженных коллективных психических состояний.

По мере затягивания войны, ухудшения состояния крестьянских и казачьих хозяйств, неуверенной политики самого Николая II, экономического и политического кризиса в стране происходило расширение базы для инверсии образа монарха в двоячной системе представлений различных слоев населения Северного Кавказа. Дискредитация монарха во многом была связана с распространением на фронте и в тылу в 1916 – начале 1917 гг. слухов о похождениях Распутина, его влиянии на царя и

связях с императрицей. Это не только вызывало нравственное отторжение у населения, но и в корне противоречило нормам его авторитарного сознания. В жандармском донесении на имя Начальника Кубанской области говорилось: «в некоторых станицах распространяется крайне вредная информация о Распутине и ее императорском величестве, якобы связанных с Германией» [1].

Негативно преломлялись в общественном сознании компании о расследовании шпиомании, которые широко печатались в газетах, в том числе северокавказских. Это производило впечатление, что предательство и измена были присущи властным верхам, что вызывало самые невероятные и страшные слухи, подрывавшие доверие к правящей монархии.

Разговоры и суждения об измене в окружении царя, правительстве и высшем генералитете среди жителей Северного Кавказа наносили удар по авторитету монархии и разрушали веру в святость и справедливость власти и верховной самодержавной власти, а которой держалась авторитетная, патерналистская государственная система России. Так, например, крестьянин с.Погородицкого Ставропольской губернии С. Ефименко, приехав из города сказал в беседе с селянами: «сказывал мне в городе раненый солдатик, что наша царица путается с мужиком, они собираются бежать к немцу или убить царя... что скоро придут немцы и заберут всю землю, а мы будем на них работать, яко лошади» [6].

Анализируя документы канцелярии Ставропольского гражданского губернатора, помощника начальника Терского областного жандармского управления, Кубанского управления, Военно-окружного суда Кавказского края, можно выделить следующие мотивы недовольства населения региона, высказываемые в адрес царя. Во-первых, царь обвинялся в том, что вовлек страну в военный конфликт, а сам остался в стороне, призывал в армию единственного работника в семье, реквизировал рабочий скот [5]. Также император, в коллективных представлениях, был ответственен за плохую подготовку страны к войне, неумению вести ее. Жандармские рапорты и донесения фиксируют приверженность крестьян и даже казачьего населения идее «почетного» мира как наилучшего для России исхода войны. Подобных случаев в архивных материалах встречается достаточно большое количество. Приведем один из подобных: крестьянин с Тамузловского Александровского уезда Ставропольской губернии Г.Д. Черных, как отмечается в отчете Александровского уездного исправника, «открыто ведет среди своих односельчан пропаганду о бесцельности войны с Германией, говоря при этом о выгоде русского народа находиться под властью немцев, у которых правительство и порядки лучше, и что лучше было бы сдаться в плен, чем продолжать никому не нужную войну» [8].

Несомненно, политические предпочтения населения Юга России формировались под воздействием ухудшения социально-политической ситуации в регионе. Ход боевых действий показал несбыточность чаяний населения о быстром завершении войны. Поэтому ее восприятие от легкомысленного скоротечного события изменяется в сторону ситуаций тоски, безысходности и в некотором роде апатии. Война пропитывает все поры общественного организма, но на первый план с 1915 г. выступает сосредоточенность на внутривластных, социальных проблемах.

В условиях обострившейся обстановке в регионе наблюдался рост оппозиционных настроений, антиправительственные настроения все широко проникали в массовое сознание населения региона. Но проявление их оппозиционных настроений не получило широкого распространения. Основная масса крестьянского, казачьего населения региона занимали в годы войны индифферентную позицию по отношению к власти. Постоянное предчувствие гибели на фронте близких людей, тревога за них, мысли о сельскохозяйственных работах, «мотание» по очередям в поисках продовольствия, товаров первой необходимости, отсутствие минимальных средств к выживанию – те повседневные проблемы, которые волновали людей больше всего.

Наиболее распространенными формами «участия» в политической жизни среди населения региона было коллективное чтение газет, содержащих разнообразную информацию и их обсуждение. Основной проблемой, волновавшего, без исключения, каждого жителя, была война и социально-экономические проблемы, с нею связанные, то есть то, что лично касалось отдельного человека. Какой бы вынужденной и справедливой война ни была, у основной массы населения региона она воспринималась как несчастье, и чем дольше она продолжалась, чем больше жертв приносилось на полях сражений, тем больше озлобления и нареканий слышалось в адрес правительственной власти и царя.

В ходе вооруженного конфликта легитимность монархии стала подвергаться сомнению среди всех слоев населения Юга России. Патриотизм, присущий настроению региона в первые недели войны, сменяется усталостью от войны, безразличию к политическим процессам, сосредоточенности на собственных экономических проблемах, связанных в большинстве случаев с физическим выживанием. Общее кризисное развитие общественно-политической ситуации в стране влияло и на положение региональных социальных групп, некоторые из них, в частности рабочие, нередко занимали оппозиционную сторону по отношению к существующей политической власти. Как и повсеместно в России, этому способствовало накопление массами революционного потенциала, ухудшение условий человеческого существования в 1914–1917 гг, нарастание экономических трудностей, политической дестабилизации. Эти тенденции служили мощным стабилизирующим фактором, которые нарушал устоявшееся восприятие казачеством, крестьянством, рабочими и другими социальными группами сложившейся в стране общественно-политической ситуации, постепенно изменяя привычные ценности о Добре и Зле, о Власти, о Справедливости. Но в целом же, антиправительственные выступления на Юге России не были столь значительными, не принимали угрожающего характера для общественно-политической системы, функционирующей в регионе.

Таким образом, с середины 1915 г. видны существенные изменения в политической культуре населения Юга России. Прежде всего, негативные тенденции, вызванные кризисом власти, нестабильным экономическим положением, отразились в переоценке базовых ценностей среди всех социальных слоев. Из-за слухов об измене в высшем генералитете и царском окружении падала вера в святость и правоту самодержавной власти, расширялся спектр представлений о нравственной несостоятельности монарха.

Процесс дискредитации правящего императора, начавшийся в горы первой русской революции, вскоре после вступления страны в мировую войну начал приобретать новые мотивы. Одним из таких мотивов стало отсутствие убедительных, по представлениям крестьян, рабочих и других социальных слоев, оправданий войны, тех тягестей и лишений, которые им пришлось испытать с момента вступления России в вооруженный конфликт. Развитие этих взглядов в общественном сознании, естественно зависело от представлений населения о войне как ненужной, непонятной. Еще одной причиной падения авторитета самодержца и самодержавия как политического строя стало неумение властей, как на высшем уровне, так и на местах, эффективно справиться с внутренними экономическими и политическими трудностями.

С течением времени изменяются внутривнутриполитические ориентиры населения Юга России. Если первоначально гнев и возмущения были направлены, прежде всего, на внешнего врага – немцев, австрийцев, виновных в развязывании конфликта, то с лета 1915 г. фиксируется его трансформация во врага внутреннего, под которым понимается и правительство, и местные власти, и те слои населения, которые в минимальной степени были затронуты экономическими проблемами, обострившимися во время войны. Происходит активизация деятельности различных слоев населения, выразившаяся в разнообразных формах протеста – стачках, забастовках, крестьянских и казачьих погромах, выступлениях против земств, против мероприятий, проводимых в регионе правительством.

Экстремальная ситуация Первой мировой войны оказала большое влияние на все стороны жизни южнороссийского общества. Известно, что эта война породила невиданный прежде в мире политический, экономический, культурный, психологический кризис. Однако этот процесс происходил постепенно: от экономического подъема, вызванного общим мобилизационным настроением и отсутствием внешней конкуренции, до экономического краха; от общественного воодушевления до всеобщей апатии и социальных катаклизмов. Накопление экономических, социокультурных, психологических проблем, неспособность властей к их преодолению сформировало у населения Северного Кавказа недоверие как к местным, так и к государственным властным структурам. На этом фоне общество оказалось расколотым и в целом равнодушно отнеслось к последующим социальным и политическим событиям.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 584. – Оп. 1. – Д. 1278. – Л.1
2. ГАКК. – Ф. 584. – Оп. 1. – Д. 1202. –Л.43 – 55.
3. ГАКК. – Ф.584. – Оп.1. – Д.1279. – Л.1.
4. ГАКК, ф. 584, оп. 1, д. 1278, л.1
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 1008. – Оп. 1. – Д. 273. – Л.1 –4.
6. ГАСК. – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 3698. – Л.26.
7. ГАСК. – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 361. – Л.39.
8. ГАСК. – Ф. 101. –Оп. 5. – Д. 586. – Л.2.
9. ГАСК. – Ф.1008. – Оп.1. – Д.264. – Л.45.
10. ГАСК. – Ф.1008. – Оп.1. – Д.336. – Л.43.
11. Гриценко В.П. Социальная семиотика / В.П. Гриценко. – Екатеринбург, 2006. – С.97.
12. Известия Ставропольского губернского комитета общественных организаций. – 1917. – №5.
13. Корниенко Т.А. «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны / Т.А. Корниенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 2. – С. 62-69.
14. Кубанские Ведомости. – 5 августа– 1916. С.3
15. Кубанские ведомости. – 1916. – 16 декабря. – С.3.
16. Кубанские ведомости. – 1916. – 4 октября. – С.3.
17. Поршнева О.С., Менталитет и социальное поведение крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны / О.С.Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – С. 108.
18. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. – М., 1999. – С.280-285.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1308. – Оп. 1. – Д. 21721. – Л.6.
20. Северокавказский край. – 1914. –27 августа. – С3.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). – F. 584. – Op. 1. – D. 1278. – L.1
2. GAKK. – F. 584. – Op. 1. – D. 1202. –L.43 – 55.
3. GAKK. – F.584. – Op.1. – D.1279. – L.1.
4. GAKK, f. 584, op. 1, d. 1278, l.1
5. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya (GASK). – F. 1008. – Op. 1. – D. 273. – L.1 – 4.
6. GASK. – F. 101. – Op. 4. – D. 3698. – L.26.
7. GASK. – F. 101. – Op. 4. – D. 361. – L.39.
8. GASK. – F. 101. –Op. 5. – D. 586. – L.2.
9. GASK. – F.1008. – Op.1. – D.264. – L.45.
10. GASK. – F.1008. – Op.1. – D.336. – L.43.
11. Gritsenko V.P. Sotsialnaya semiotika / V.P. Gritsenko. – Yekaterinburg, 2006. – S.97.
12. Izvestiya Stavropolskogo gubernskogo komiteta obshchestvennykh organizatsiy. – 1917. – №5.
13. Kornienko T.A. «Obraz vraga» v politicheskom soznanii naseleniya Rossii v gody Pervoy

mirovoy voyny / T.A. Kornienko // Kaspiskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2009. – № 2. – S. 62-69.

14. Kubanskije Vedomosti. – 5 avgusta– 1916. S.3
15. Kubanskije vedomosti. – 1916. – 16 dekabrya. – S.3.
16. Kubanskije vedomosti. – 1916. – 4 oktyabrya. – S.3.
17. Porshneva O.S., Mentalitet i sotsialnoe povedenie krestyan, rabochikh i soldat v gody Pervoy mirovoy voyny / O.S.Porshneva. – Yekaterinburg, 2000. – S. 108.
18. Pocheptsov G.G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka / G.G. Pocheptsov. – M., 1999. – S.280-285.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). – F. 1308. – Op. 1. – D. 21721. – L.6.
20. Severokavkazskiy kray. – 1914. –27 avgusta. – S3.

«ОБРАЗ ВРАГА» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Корниенко Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Филиал Кубанского государственного университета
293500, Российская Федерация, г. Армавир, 8-й микрорайон, 6/4
E-mail: kornienkota@yandex.ru

В этой статье автор акцентирует внимание на трансформацию «образа врага как формы политического мифа в политической культуре населения России в годы Первой мировой войны. В военное время образ врага становится важной составляющей идеологии и пропаганды, которая внедрялась властью в общественное сознание. Кризис власти способствовал преобразованию образа «внешнего врага», под которым понимались противники России в Первой мировой войне, во «внутреннего врага» – представителей консервативных и праворадикальных политических сил.

Ключевые слова: миф, политическая пропаганда, «образ врага», «внутренние враги», «внешние враги», политическое сознание, политическая культура

«IMAGE OF THE ENEMY» AS A FORM OF SOCIAL AND POLITICAL MYTH (ON MATERIALS OF RUSSIA DURING THE WORLD WAR FIRST)

Kornienko Tatyana A., Ph.D. (History), Associate Professor

Branch of Kuban State University
6/4 8th Mikrorayon, Armavir, 293500, Russian Federation
E-mail: kornienkota@yandex.ru

In this article of the author is focused on the enemy image as a form of social and political myth and its transformation in the political culture Russian population during the World War First. Political preferences were changed due to worsening of political and social situation in the country. The governmental crisis caused the transformation of the enemy image from the outside enemy as the enemies of Russia to the inside enemies as conservative and right – radical forces.

Keywords: The myth, «image of enemy», «the inside enemies», «the outside enemies», political culture, political consciousness, political propaganda

В 2014 г. исполнится 100 лет с начала первому глобальному кровопролитному конфликту в истории человечества – Первой мировой войне. Это эпохальное по своей значимости и трагичности событие не зря называют «забытой войной старой России». А между тем, это беспрецедентное по масштабам военное противостояние предопределило весь последующий ход мировых событий, включая Вторую мировую войну. К сожалению, связанные с анализом явлений и событий 1914–1918 гг., оказались на дол-